

М. М. Макарецев (Москва / Ольденбург)

КЛЮЗИВНОСТЬ И ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В АЛБАНСКИХ БЕЗЛИЧНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ*

В настоящей статье рассматриваются некоторые морфосинтаксические особенности албанской *man*-безличной конструкции (*man-impersonals*):

«*man*-конструкция — это безличная активная конструкция, в которой позиция подлежащего заполнена существительным со значением ‘человек’ (или этимологически восходящим к такому существительному элементу). На уровне синтаксиса этот элемент может вести себя как полноударное местоимение или же сохранять некоторые синтаксические параметры существительного. На уровне семантики такого рода конструкция представляет стратегию дефокусирования агенса, т.е. она используется, когда говорящий хочет отодвинуть на второй план агенса действия (либо потому что тот является общеродовым / неидентифицируемым, либо потому что он, хотя и конкретен, но неизвестен)» (Giacalone, Sansò 2007: 96)¹.

Как я хотел бы показать, в некоторых случаях морфосинтаксические особенности албанской *man*-безличной конструкции связаны с включенностью / невключенностью говорящего в число ее референтов, или семантической категорией *klusivnosti* (англ. *clusivity*), которая таким образом может грамматически маркироваться в албанском языке.

Название *clusivity* было предложено, по всей видимости, В. Элликом и введено в практику в сборнике под ред. Е. Филимоновой «Ключивность. Типология и тематические исследования оппозиции по инклюзивности / эксклюзивности» (Filimonova 2004). Традиционно эта

* Статья написана в рамках проекта «Язык и культура в полиэтничных и поликультурных сообществах Юго-Восточной Европы XXI века: междисциплинарное исследование» (Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные сообщества: понимание и управление»).

¹ Здесь и далее перевод мой. — М. М.

категория выделялась на основе противопоставления инклюзивных / эксклюзивных форм первого лица множественного числа, наиболее распространенного в Циркумтихоокеанском регионе, но засвидетельствованного также на Кавказе и в некоторых других ареалах (см. карты в Nichols, Bickel 2005, Cysouw 2013). В качестве примера такого противопоставления часто используется чеченская система личных местоимений (Nichols, Bickel 2005: 50):

(1)	Ед. число	Мн. число
1 л.	<i>so</i>	инклюз. <i>txo</i> экссклюз. <i>vai</i>
2 л.	<i>hwo</i>	<i>shu</i>
3 л.	<i>i / iza</i>	<i>ysh</i>

Референт чеченского местоимения *txo* (инклюзивного) включает и говорящего, и слушающего ($мы = я + ты$), а референт местоимения *vai* (экссклюзивного) исключает слушающего ($мы = я + кто-то еще без тебя$).

Упомянутый сборник описывает противопоставление по кляузивности не только в системе личных местоимений, но и в других частях грамматической системы (например, в системе императива). Повторяя то, как развивался интерес к другим категориям, которые традиционно не выделялись в языках средневропейского стандарта (например, эвиденциальности — Макарецов 2014), от описания кляузивности на материале языков, удаленных от средневропейского стандарта, с течением времени исследователи переходят к ее интерпретации как семантической категории в широком смысле, а дальше находят морфосинтаксические средства, при помощи которых она может выражаться уже в языках средневропейского стандарта. Так, А. Э. Вечорек анализирует включенность / исключенность референтов при использовании личных местоимений в англоязычном политическом дискурсе (Wieczorek 2013), указывая на важность включенности / исключенности в аксиологическом пространстве для функционирования личных местоимений. Дж. Шибмэн (Scheibman 2004) на основе Корпуса разговорного американского английского языка (CSAE) показывает, что, несмотря на отсутствие в английском морфологического разграничения между инклюзивным и эксклюзивным *мы*, статистически *мы* в разных значениях показывает разную дистрибуцию (инклюзивное *мы* доминирует в контекстах с настоящим временем и с модальным глаголом, а эксклюзивное — в контекстах с прошедшим). Это позволяет говорить

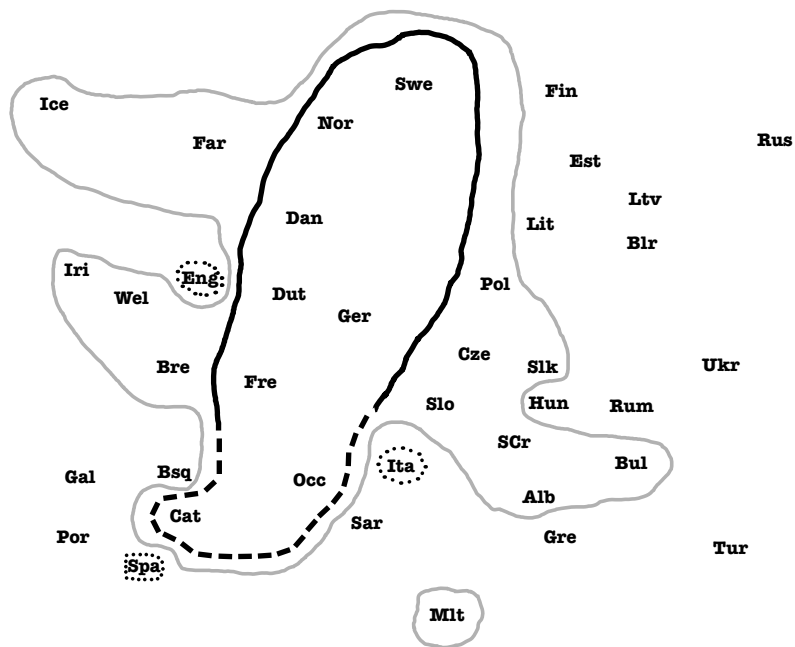

Рис. 1. *Man*-конструкции в языках Европы (Giacalone, Sansò 2007: 12)

Соглашаясь с определениями А. Джакалоне Рамат и А. Сансо, а также А. Северской, в то же время я хотел бы уточнить некоторые ранее не описывавшиеся особенности албанских *man*-конструкций, в частности степень их грамматикализованности в разных морфосинтаксических контекстах и их связь с клюзивностью.

Исходным пунктом является принцип, сформулированный А. Джакалоне Рамат и А. Сансо:

- (3) Генерализация № 1. Чем более грамматикализовано существительное *man* в общеродовом употреблении, тем более прономинальный характер имеет его поведение (там же, 111).

Для определения прономинальности авторы предлагают серию тестов, здесь я ограничусь следующим — способностью *man*-элемента присоединять артикль.

Категория определенности в албанском языке выражается с помощью: определенного постпозитивного артикля, формы которого также синкретически выражают число и род; неопределенного препозитивного артикля, восходящего к числительному ‘один’, а также нулевого артикля (например, в сочетании с некоторыми пространственными предложениями). Общая семантика этой категории связана с референцией и в общем и целом соответствует языкам средневропейского стандарта. Грамматические правила следующие: если подлежащее — морфологическое существительное в топике при прямом порядке слов (SVO), при отсутствии иных ограничений (например, указательного местоимения в качестве определения перед существительным), оно не может иметь нулевого артикля (как немаркированный вариант используется определенный артикль, для снятия определенности — неопределенный). Поиск по Албанскому национальному корпусу (20 млн слов) по лексеме (*një*) *njeri* / *njeriu* в абсолютном начале предложения подтверждает это. Семантические результаты поиска (проверены первые 300) по корпусу относятся к следующим группам:

Референциальное определенное (Referential Definite)

- (4) *Njeri-u filloi të thërriste me zë*
 человек-DEF начал.AOR.3SG COMP кричать.IMPF.3SG с голос
të përvojshëm, të kërcënonte, të profetizonte mynxyra.
 ‘Человек начал кричать скорбным голосом, угрожать, предсказывать несчастья’.

Референциальное неопределенное (Referential Indefinite)

- (5) *Një njeri është gjetur i vdekur*
 один человек быть.PRES.3SG найден.PTCP AGR мертвый
në Salzburg, Austri, ndërsa dy të tjerë janë raportuar të zhdukur, ka bërë të ditur gazeta austriake “Salzburger Nachrichten”.
 ‘Труп мужчины обнаружен (досл.: «Один человек найден мертвым») в Зальцбурге, Австрия, и еще двое пропали без вести, как сообщает австрийская газета «Зальцбургер Нахрихтен»’.

Общеродовое (Species-Generic)

- (6) *Njeri-u lind njeri-un*
 человек-DEF рождать.PRES.3SG человек-ACC.DEF
 ‘Человек рождает человека’.

Нереференциальное неопределенное (Non-Referential Indefinite)

- (7) *Njeri-u mund të fitojë*
 человек-DEF может COMP получить.CONJ.3SG
përshtypjen se Elena Kadare më parë ka bërë kallëpet pastaj i ka mbushur.
 ‘Может показаться, что Елена Кадаре сначала создала формы, а затем
 заполнила их’.

Общеродовое неопределенное (Generic Indefinite)

- (8) *Një njeri që do t'i dinte*
 один человек который FUT COMP=ACC.PL знать.CONJ.IMPF.3SG
marrëdhëniet e mia <...>, të gjitha këto do t'i merrte si gjëra që kishin të
bënin vetëm me një rivalitet të hapur.
 ‘Кто-нибудь, знающий о моих связях (досл. «Один человек, который
 бы знал мои связи»), воспринял бы всё это как нечто связанное с от-
 крытым соперничеством’.

Из перечисленных типов (6–8) можно рассматривать как безличное употребление. Отмечу, что определенный артикль при нереференциальном неопределенном *njeri* (6) объясняется позицией последнего (подлежащее при прямом порядке слов). Этот пример показывает, что *njeri* в безличной функции всё же может образовывать определенную форму, и таким образом имеет менее прономинальный статус, чем можно заключить, исходя из академической грамматики. Однако есть ли случаи, когда употребление определенной формы имеет только семантическую мотивацию и не обусловлено непосредственно морфосинтаксическими ограничениями?

Обратимся к другим типам предложений (не SVO), без таких ограничений по употреблению артиклей. Так, в албанских придаточных времени есть тенденция к порядку слов VS(O), что снимает требование обязательного употребления определенного или неопределенного артикля и делает допустимым нулевой артикль:

- (9) *Zakonisht nuk e mbyllja me kuç, se përtoja të ngrihesha ta hapja*
kur trokiste njeri.
 когда стучать.IMPF.3SG человек
 ‘Обычно я ее не запираю, потому что мне было лень вставать и открывать ее, когда кто-нибудь стучался (досл. «когда стучал человек»)’.

- (10) *Kur sheh njeri-u pushkë,*
 когда видеть.PRES.3SG человек-DEF ружье
duhet gjithmonë të bëjë zë.
 ‘Когда ты видишь ружье (досл. «когда видит человек ружье»), нельзя молчать’.

В предложениях такого типа использование артикля семантически мотивировано ключивностью первого лица: за вариантом с нулевым артиклем (9) закреплено значение эксклюзивности, т.е. *njeri* в таком контексте обозначает множество нереперенциальных неопределенных лиц, исключающих говорящего, а за вариантом с определенным артиклем (10) *njeri-u* (‘человек-DEF’) — значение инклюзивности, и *njeriu* в таком контексте обозначает аналогичное множество, включающее говорящего. Всего в Албанском национальном корпусе было найдено 12 контекстов с придаточными, соответствующими структуре ‘когда’+ глагол + *njeri* ∨ *njeriu*, из них четыре эксклюзивных (как 9) и восемь инклюзивных (как 10). Таким образом, в рассмотренном типе предложений (придаточные времени со структурой VS(O)) в албанском языке можно говорить о грамматическом выражении ключивности при помощи определенного артикля.

ЛИТЕРАТУРА

- Албанский национальный корпус. 20 млн слов. (Доступен онлайн на <http://web-corpora.net/AlbanianCorpus>, проверено 06.02.2019.)
- Макарец 2014 — Макарец М. М. Эвиденциальность в пространстве балканского текста. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014.
- Buchholz, Fiedler 1987 — Buchholz O., Fiedler W. Albanische Grammatik. Leipzig: Enzyklopädie, 1987.
- Cysouw 2013 — Cysouw M. Inclusive / Exclusive distinction in independent pronouns // The World Atlas of Language Structures Online / Dryer M. S. & Haspelmath M. (eds.). Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. (Available online at <http://wals.info/chapter/39>, accessed on 06.02.2019.)
- Dozon 1879 — Dozon A. Manuel de la langue chkiye ou albanaise. Paris: Ernest Leroux, 1879.
- Filimonova 2004 — Filimonova E. (ed.). Clusivity. Typology and Case Studies of the Inclusive–Exclusive Distinction. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2004.

- Giacalone, Sansò 2007 — *Giacalone Ramat A. & Sansò A.* The spread and decline of indefinite man-constructions in European Languages. An areal perspective // Europe and the Mediterranean as Linguistic Areas / Ramat P. & Roma E. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2007. P. 95–131.
- Gray 1945 — *Gray L. H.* Man in Anglo-Saxon and Old High German Bible-texts // Word 1, 1945. P. 19–32.
- Nichols, Bickel 2004 — *Bickel B., Nichols J.* Inclusive–exclusive as person vs. number categories worldwide // Clusivity. Typology and Case Studies of the Inclusive–Exclusive Distinction / Filimonova E. (ed.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2004. P. 49–72.
- Scheibman 2004 — *Scheibman J.* Inclusive and exclusive patterning of the English first person plural: Evidence from conversation // Language, Culture and Mind / Achard M., Kemmer S. (eds.). Stanford: CSLI, 2004. P. 377–396
- Siewierska 2011 — *Siewierska A.* Overlap and complementarity in reference impersonals. Man-constructions vs. third person plural impersonals in the languages of Europe // Impersonal Constructions. A Cross-Linguistic Perspective / Malchukov A., Siewierska A. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2011. P. 57–89.
- Wieczorek 2013 — *Wieczorek A.* Clusivity: A New Approach to Association and Dissociation in Political Discourse. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2013.